

ПОЭТ ОДИНОЧЕСТВА: живопись Александра Рабина

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН

Александр Рабин родился в 1952 году в семье, где рисовали все: художниками были и его отец, легендарный живописец Оскар Яковлевич Рабин, и мать, Валентина Евгеньевна Кропивницкая, и дядя, и дедушка, и бабушка. «Вырасти в семье художников, где любой твой шаг в сторону искусства получает профессиональную, иногда весьма ироничную, оценку, непросто, — справедливо заметила в письме ко мне Наталья Ротштейн-Эфроимсон, бывшая с 1972 по 1978 гг. супругой Александра Рабина. — Рядом с таким сильным человеком и значительным живописцем, как его отец, реализоваться как художнику Саше было и легко, и тяжело одновременно. То, что он все-таки решился на этот путь и прошел его, достойно большого уважения».

«Основным моим учителем был, конечно, отец, и ему я доверял больше всех», — говорил Александр в беседе с Вадимом Нечаевым в 1983 году. Наталья вспоминает, что «к его опытам в живописи довольно долго никто не относился серьезно. Он начал писать после того как вернулся из армии. Это было где-то на рубеже 1971–1972 годов. Выставлять на всеобщее обозрение и продавать свои картины он решился не сразу».

Начало 1970-х годов было временем учения и становления Александра Рабина как художника, когда в ходе поисков себя и своей дороги в искусстве он обращался как к фигуративной, так и к абстрактной живописи. В 1973 году Оскар с Сашей приобрели дом в селе Софронцево Устюженского района Вологодской области и стали часто выезжать туда, чтобы пожить и поработать в тишине. «Там писал он осень, сырые пасмурные дни, опавшие листья, гонимые ветром, морозящие дожди, туманы, затерянные разоренные жилища — всё это создавало настроение, уже в то время близкое душе молодого художника», — отмечала десятилетия спустя В.Е. Кропивницкая. Наталья рассказывает о том, что его ранние работы не были похожи на те, что он писал позже, его почти монохромная печальная манера появилась не раньше 1975 года. В небольшом эссе о творчестве А.О. Рабина, написанном в 1982 году, Александр Глезер указывает в качестве переломного почти тот же период: «В ключе, характерном для его лирической природы, он начал работать еще в Москве в 1976 году».

Александр Рабин участвовал и в вернисаже в Беляево, ставшем известным как «Бульдозерная выставка», и в вернисаже в Измайлово, который уже никто не разгонял — но там он был, скорее, сыном и соратником своего отца, сам он был отнюдь не политическим активистом, а интровертом-лириком. Александра задерживали, арестовывали, прозвонились вновь забрать в армию, на него завели уголовное дело, как на «тунеядца», и его супруга давала показания, что содержала его, так как считала, что он должен быть художником, после чего у них пытались отобрать

Александр Рабин, 1976 г.
Фото из архива Натальи Ротштейн-Эфроимсон.

квартиру, как якобы купленную Оскаром Яковлевичем на «нетрудовые доходы». «Всё, что они делали Саше, было лишь давлением на Оскара, — справедливо отмечает Наталья, добавляя: Но никто не знал, как далеко власти могли зайти».

В самом начале 1978 года, когда ему не было и двадцати шести, Александр с родителями выехали за границу. Менее чем через полгода Оскара Яковлевича лишили советского гражданства, после чего для всех троих началась несколько иная жизнь. Ее нельзя назвать совсем «другой», ибо они продолжали заниматься тем же, чем занимались прежде — живописью, причем художественные стили ни одного из них троих не претерпели существенных изменений. Однако среда существования изменилась, причем разительно: больше не грозили ни аресты, ни военкоматы, но не было и заинтересованности со стороны дипломатов и журналистов, которая питала художников-нонконформистов в Советском Союзе. В Париже работало не меньше дипломатов и журналистов, чем в Москве, но работы, за которыми в Москве охотились, в Париже мало кого интересовали. К искусству как таковому подавляющее большинство населения равнодушно везде, но если в СССР можно было надеяться на то, что где-то есть иной, более справедливый и благоприятный для творчества мир, то на Западе такую надежду лелеять уже невозможно.

Оказавшись в Париже, Александр Рабин впервые увидел искусство современного Запада во всем его разнообразии. «Всё вызвало в нем интерес, но молодой художник не спешил примкнуть ни к одному из этих направлений, — пронизательно констатировала его мать. — Его собственный мир, глубоко прочувствованный и пережитый им, мир интимный и сокровенный не отпускал его, не давал ему уйти от себя. Он инстинктивно берет его в себе и сохраняет выработанную им манеру писать, чувствуя, что только своими живописными средствами он может выразить свое видение художника».

Говоря о работах Оскара Яковлевича Рабина, критики нередко выражали недоумение тем фактом, что, и прожив десятки лет в Париже, он продолжает рисовать Лианозово своей памяти (собственно говоря, нигде, кроме как на полотнах этого выдающегося мастера, этого Лианозово давно уже не существует). Критики эти не понимали главного: настоящий художник «как он дышит, так и пишет». Это было верно и в отношении Александра Оскаровича, ушедшего в своем творчестве в сторону, от окружающего мира достаточно далекие, в свой внутренний мир. «Я могу рисовать только то, что я люблю, — признавался он Вадиму Нечаеву. — Это не Россия и не Запад, это совсем другой мир, он не географический, но земной». Для Александра Рабина чувствами и памятью обладали не только люди, но и предметы, которых в языке ошибочно принято называть неодушевленными: «Может, избушка и заброшенная, но в ней почему-то живут люди... Или сама избушка вспоминает о том, как она жила вместе с людьми». «Сам я считаю, что мои картины наводят, скорее, на мысли об одиночестве, о ностальгии в широком понимании этого слова, — рассказывал он Маргарите Багиновой в 1985 году. — Всё начинается

Александр Рабин, «Натюрморт с кистями», 1989 г.

с того, что я представляю себе какое-то душевное состояние и пытаюсь войти в него. Потом в этом состоянии я представляю себе что-нибудь конкретное: замок, город, волны, небо или просто летящий листок... Потом я пытаюсь скомпоновать это на листе бумаги, а затем переношу на холст».

Искусствоведы по-разному пытались охарактеризовать особенности стиля Александра Рабина, работы которого, как правило, сразу узнаваемы, выделяясь тем, что А.Д. Глезер назвал «лирическим романтизмом»: «Написанные в зеленовато-холодной с фиолетовыми оттенками, порой в золотисто-коричневой теплой гамме, работы Рабина как бы символизировали собой первозданность и чистоту». Наталия Беспалова,

посвятившая творчеству этого живописца развернутую главу в своей монографии «Художники из России в Париже», отмечала, что «произведения Рабина напоминают монохромные гризайли. Появляется тональная живопись. Всё изображаемое пишется в едином общем тоне, с разной степени звучности тонально-колористической гармонии предметов со свето-воздушной средой». «Волнующе отображал Александр Рабин свой беспокойный внутренний мир. Мхом поросшие дюны, мхом поросшие души», — выражала свои впечатления Маргарита Шклярская, посетив в 2007 году, тринадцать лет спустя после кончины художника, выставку в Нью-Йорке, на которой экспонировались восемнадцать его холстов».

А.Д. Глезер был прав, отмечая: «В целом, города Александра Рабина созданы его фантазией, в них нет обывательской пошлости, нет суеты, нет коммерции». Именно это — полное отсутствие коммерческой составляющей — так подкупает ценителей подлинного искусства в работах А.О. Рабина. Кроме двух полотен, «Ожидание» (1987) и «Мгновение» (1990), посмертно подаренных родителями художника Третьяковской галерее, произведения А.О. Рабина мало где можно увидеть: последняя выставка, где было представлено четырнадцать его работ, прошла в Государственном музее изобразительных искусств в Москве еще в 2007 году. Однако эти работы принадлежат к числу тех подлинных откровений, которые остаются в памяти на долгие годы».

Прижизненная судьба художественных работ Александра Рабина была очень непростой. За почти семнадцать лет, проведенных на Западе (с января 1978 по 27 декабря 1994 года, когда его жизнь трагически оборвалась),

ему удалось провести только десять небольших выставок, причем ни одна из них не прошла в каком-либо из музеев современного искусства, коих в Европе — многие десятки. В Советском Союзе отсутствие выставок и признания легко объяснялось давлением государственной идеологической цензуры, но во Франции таковой как будто бы не было — и это очень, очень подавляло раннего художника, выплескивавшего на свои холсты глубинные переживания и чувства, к которым арт-институции оставались равнодушны. «Какой лирический художник может существовать, когда все уже сто лет квадрату молятся?! — с болью в сердце почти кричал в ходе одной из наших встреч Оскар Яковлевич, который более двадцати лет не может смириться с трагедией ухода из жизни сына. — Саша, весь строй его как художника, не подходил этому времени, когда сама живопись уже практически не присутствует, доминирует рассудочное искусство, а не лирика». Оскар Яковлевич хорошо знает, о чем говорит — и именно на этом фоне работы его сына настолько выделяются, подкупая искренностью и одухотворенным, прямо-таки светящимся лиризмом...

«Свет — это особое состояние на земле, не подвластное человеку. Во всех сменяющихся пейзажах, которые я пишу, должна быть своя поэтическая настроенность. Я пытаюсь передать ее через отображение света», — говорил Александр Рабин. А.О. Рабина давно нет в живых, но свет его работ мерцает нам и поныне — и останется с нами и впредь, ибо настоящее искусство не умирает никогда».

Главный редактор
МИХАИЛ ФРЕНКЕЛЬ

Наш сайт:
<http://jew-observer.com>

Свидетельство о регистрации
Госкоминформ № 4607 от 10.10.2000

Номер отпечатан
в типографии «Интерконтиненталь»
г. Киев, ул. Институтская 16, оф. 1/15
№ заказа 1/1-2016
Тираж 4000 экз.

Мнения авторов и редакции
не всегда совпадают.
Редакция оставляет за собой право
сокращать материалы авторов
и вносить в них правку.
Редакция не ведет переписку
с читателями